

Н. К. Данилова

«Уникальный и загадочный писатель»: Венедикт Ерофеев в биографическом исследовании Александра Сенкевича

Рецензия на книгу: Сенкевич А. Н. Венедикт Ерофеев: Человек неждешний. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 751 с.

В статье даётся характеристика биографического исследования А. Сенкевича о Венедикте Ерофееве. Подобные труды традиционно содержат материал трёх уровней: 1) характеристика эпохи и её отражения в произведениях писателя, 2) хронология жизни, встречи, бытовые и психологические подробности, преломлённые в творчестве, 3) собственно попытка осмысления художественного наследия. Размышление о личности Венедикта Ерофеева строится в исследовании ретроспективно, начиная с момента смерти писателя и трагичных последствий её в судьбах близких людей. Затем переходит к характеристике вхождения автора в литературную жизнь в эпоху оттепели, «времени надежд и воскрешения». В книге А. Сенкевича описывается духовный поиск писателя в нескольких религиозных традициях: в христианстве (в совокупности всех его конфессий), в исламе и буддизме; приводятся интересные свидетельства родственников, современников, почитателей таланта Ерофеева, что в итоге позволяет создать полноценное представление о писателе, при этом исследование не претендует на окончательные оценки.

Ключевые слова: творчество Венедикта Ерофеева, личность автора, поэма «Москва – Петушки», художественный мир.

Для цитирования: Данилова Н. К. «Уникальный и загадочный писатель»: Венедикт Ерофеев в биографическом исследовании Александра Сенкевича // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 220–228. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_220. EDN: CAAPRH

В 2020 году в серии ЖЗЛ вышла книга Александра Сенкевича о Венедикте Ерофееве, одном из самых интересных и непостижимых русских писателей второй половины XX века «Венедикт Ерофеев: Человек неждешний».

Автор поставил перед собой сложную задачу: уяснить, в чём уникальность личности человека, встреча с которым всегда событие жизни. Труд об образе жизни и творчестве Ерофеева воплотился в музыкальную форму с присутствующим сим-

фонии трёхчастным построением, что, по мысли А. Сенкевича, соответствует особенностям художественного мышления писателя (его «произведения по своему содержанию симфоничны»). И далее не раз будет повторяться мысль о сложности выделения фактов из мифологии, сложности определения жанра книги, сложности выбора литературоведческого подхода к анализу текста. Сенкевич называет труды предшественников, выделяя серьёзные литературоведческие исследования и работы, произведшие на него особенное впечатление, среди них воспоминания, беседы и размышления художника Николая Ковалёва. Так определяется единственно возможный подход к постижению удивительного феномена.

Исследования подобного плана предполагают три тематических пласта. Это характеристика эпохи – исторического и культурного контекста, в котором формируется личность и возрастает талант (в данном случае 1960–е, 1970–е годы); это биография писателя со всеми подробностями быта и личной жизни и, наконец, характеристика творчества, попытка осмыслить особенности художественного мира, созданного автором. Все названные планы присутствуют в книге А. Сенкевича, но благодаря музыкальной композиции они не разведены, а соприкасаются, переплетаются, взаимодействуют друг с другом, перемежаясь воспоминаниями, отступлениями, характеристиками. Автор часто возвращается к каким-то людям, фактам, событиям. При этом иногда текст перегружен частностями и цитатами, загромождающими картину. Насколько, например, показательны отсылки к частному мнению А. Собчака перед встречей с Ерофеевым?

Размышление о личности Венедикта Ерофеева начинается с конца – с момента смерти и трагичных последствий её в судьбах близких людей: многие ушли вслед за ним. Затем переходит к характеристике вхождения автора в литературную жизнь в эпоху оттепели, «времени надежд и воскрешения». Но, как отмечает Сенкевич, прекраснодушные мечтания не сбылись, молодые писатели были оттеснены на обочину литературной жизни. Они выросли, романтическая фронда уходила, пришел нонконформизм. Их спасало чтение книг, запрещённой литературы – они искали тех авторов, которых не изучали в вузах. В кругу ерофеевских друзей–

интеллектуалов ценилась духовная свобода, царила высокая духовность и беспощадная ирония. Так складывалось особое настроение мирочувствования эпохи.

Интеллектуальное общение и духовную поддержку в ранние студенческие годы писатель находил в семье друга, Владимира Муравьёва (известного переводчика с английского), в чьем окружении были Е. Мелетинский, Г. Померанц. На протяжении многих лет друзья встречались не часто, но «основательно», обсуждали запретные темы.

По мнению А. Сенкевича, В. Ерофеев не был близок шестидесятникам и оставил очень резкие суждения о собратях по перу. Для него не существовало авторитетов – это форма освобождения от штампов чужого мнения. Но такой максимализм требований приводил и к одиночеству, оно было не в тягость, приносило вдохновение. Сенкевич отмечает черты пародии на творчество шестидесятников в «Петушках». Оговаривается, что В. Ерофеев не был с диссидентами, так как они не музыкальны, их голоса не создают гармонии. И, в свою очередь, сам не был понят диссидентами.

Следующая эпоха, 1970–е годы, также вызывает отторжение у В. Ерофеева (заметим, и у автора, пишущего о нём). Здесь говорится о том, что советская творческая интеллигенция сплюснулась под прессом идеологической цензуры и лишилась духовной самостоятельности. Осталась малая толика авторов, не поддавшихся давлению, среди них В. Высоцкий, В. Ерофеев, наделённые внутренней и внешней свободой. Свобода как проявление человеческой сущности представляла у В. Ерофеева смысл жизни и творчества.

Завершается первый раздел размышлениями о главной книге В. Ерофеева – поэме «Москва – Петушки». А. Сенкевич сразу отвергает не только прямолинейные параллели автора и героя поэмы (Ерофеев со временем превратился в персонажа легенды), но и восприятие книги как дерзкой антисоветской прокламации, что больно задевало В. Ерофеева.

Первый, поверхностный, смысл поэмы – отражение, неожиданное и беспощадное, советской повседневности, существующей в массовом сознании поколения как привычный и единственно правильный образ жизни. Более глубокое толкование предполагает, что речь идёт о национальном

культурно-психологическом типе, о русском человеке, о его незлобivosti, вольнолюбии и одновременно дикости, своеобразии и взрывном характере. (Попутно отмечается, что у самого В. Ерофеева, несмотря на зависимость, не было алкогольной деградации личности).

По словам А. Сенкевича, чтобы проникнуть в потаённые смыслы, нужно обратиться к иным сферам, в частности, к музыке. Так заявлено, что проза Ерофеева соответствует музыкальным канонам. Музыка выводит из хаоса современности, позволяет сохранить в себе чистоту ребёнка. Отмечено, что такое толкование восходит к даосизму. Далее автор переходит к характеристике буддийских понятий: писатель находился в своей нирване вне всех возможных форм сансарного существования (круговорота рождения и смерти). Требуются немалые усилия, чтобы достичь вожделенной цели. Затем А. Сенкевич раскрывает влияние христианства на восприятие писателем бытия. Так или иначе, возникает вечный вопрос человека разумного: зачем мы здесь? Человек взывает истины, она не даётся в готовом логическом виде, а обретается путём, самой жизнью. Свой страдающий взгляд на обычного человека В. Ерофеев противопоставил взгляду умозрительному. Само писательство возникло у Ерофеева как желание знать о жизни как можно больше. В даосизме очевидное предстаёт самой большой загадкой.

В следующем разделе подробно излагается биография В. Ерофеева. Подчеркивается особая привязанность к России и Кольскому полуострову. Просторы России рождают внутреннюю ширь и духовную свободу. Род Ерофеевых велик, описание начинается с деда – Василия Константиновича Ерофеева, небогатого, но крепкого крестьянина, далее оно перемежается устными рассказами с сомнительной достоверностью. Такие истории сочинял и сам Ерофеев. Жизнь рода была включена в историю страны, вместе со всеми Ерофеевы пережили репрессии, войну и другие потрясения. Несмотря на тяготы жизни, своё довоенное детство в семье вспоминали тепло. Книг не было, читали отрывной календарь, который Веня, будущий писатель, знал наизусть. Поразительную память он сохранил и в зрелом возрасте. Следом были страдания военных лет, но именно в эти годы ребёнок Ерофеев приохотился к литературе.

Шесть лет пребывания в детском доме после ареста отца выявили и закалили в тихом ребёнке стойкость характера, он не хотел быть как все и таким не был. Заполярье сохранилось в памяти как уголок свободы.

Эта особенность натуры проявилась и в годы учёбы в МГУ: читал только те книги, которые выбирал сам, поэтому обучение скоро завершилось. А. Сенкевич отмечает, что Ерофеева не увлекали даже самые интересные лекции лучших профессоров МГУ, и пытается объяснить этот факт: «Все эти люди из далёкого прошлого, конечно, задавали тон интеллектуальной жизни на факультете, но некоторую политическую осмотрительность всё-таки сохраняли. И, разумеется, избегали прямых и откровенных дискуссий со студентами». Такая охранительная позиция не устраивала требовательного студента. Тогда же в жизни В. Ерофеева случился значительный кризис, объяснение которому пытались дать и современники писателя, и литературоведы последующих эпох. В качестве причин назывались и Москва с её шумной жизнью, возможно, конфликт с военной кафедрой, и смерть отца, перед которым он чувствовал вину, и общее тягостное ощущение бытия. «Венедикт Ерофеев осознал, что в стране неограниченных человеческих и природных возможностей создаётся несправедливая и постылая жизнь». Он выбирает свою дорогу – писательскую одиссею. «Пришло время осмыслить прожитое. Да настолько основательно и художественно убедительно, чтобы его чувства и мысли нашли отклик у других людей».

Бросив МГУ, продолжал много читать, составлял для родных списки чтения, почувствовал желание учительствовать (отсюда Орехово-Зуевский пединститут). А. Сенкевич довольно подробно излагает перипетии студенческой жизни писателя в общежитии, его подчас запутанные связи с девушками, любовь. На удивление, писателю удалось в этих передрягах сохранить чистоту души. По мнению исследователя, все впечатления от людей и событий воплотятся в образах его будущих сочинений.

Не всегда поступки человека поддаются простым толкованиям. А. Сенкевич порой прибегает к нестандартным объяснениям событий в жизни В. Ерофеева. Так, например, верная любовь к Юлии Руновой интерпретируется как некая трансформация нежного чувства к ранее умершей женщине.

Параллельно с учёбой приходилось тяжёлым трудом зарабатывать на хлеб. Оставив институт, с обречённой бесприютностью продолжает движение. Продолжается чтение философских трудов от Средневековья до современности, осмысление книг и бытия. В. Ерофеев захвачен глобальными вопросами, в том числе, о жизни и смерти, о Боге и вере. Богодухновенные книги христианства учили любви к ближнему. Государство же, презиращее духовную жизнь человека, создаёт на земле ад, даже если «золотые горы» становятся явью. Выход – уйти в одиночество или изменить ценностные приоритеты.

Затем речь идёт о недолгом обучении во Владимирском пединституте. Для окружающих В. Ерофеева людей оно осталось незабываемым событием, все становились почитателями его мыслей, его обаяния. В нестандартном вызывающем поведении «свиты» В. Ерофеева А. Сенкевич видит вызов, противодействие системе, подавляющей человека. Детально описано, как институтское начальство организовало травлю неугодного студента. Посторонние люди беззастенчиво вторгались в личную жизнь человека. Правда, тут же справедливо отмечено, что «гонители» не были исключительно плохими людьми, им было совсем нелегко с такими неуёмными студентами.

Самое сложное, очевидно, передать особенности личной жизни человека, тем более такого, как Ерофеев, и его отношений с женщинами.

Как ответить на вопрос: на чём возрастал литературный дар Ерофеева? В его художественных текстах «неправдоподобно наложились друг на друга жизненные неурядицы бездомного и спивающегося бродяги и обширные познания интеллектуала, разносторонне осведомлённого в истории мировой литературы».

А. Сенкевич опять возвращается к духовной сфере личности. Ответы на нравственно-этические вопросы писатель искал в нескольких религиозных традициях: в христианстве (в совокупности всех его конфессий), в исламе и буддизме, оставаясь при этом человеком русской идентификации. Подчёркивается, что Ерофеев не находил духовного удовлетворения в разговорах с интеллектуальным окружением.

Особая проблема – талант и пьянство. Известно, что многие известные писатели были склонны к злоупотреблению (здесь

приводится основательный список имён). Делается парадоксальный вывод: писателей от заурядных пьяниц отличает страсть к созиданию, хотя конечный результат мало различается.

Ерофеев, по словам А. Сенкевича, абсолютно лишён амбиций и политических, и каких-либо иных. Писательство для него было «естественным биологическим процессом». Его герои привлекательны в своём незамысловатом поведении, они не боятся выглядеть нелепыми и смешными, они ни на что не претендуют. И не завистливы, как создавший их писатель. В литературе ещё не было жизнеописания пропавшего человека. Путешествие героя метафорично: из Москвы, олицетворяющей власть государства, в новое пространство – туда, где тленное преобразуется в духовное. Город Петушки становится недостижимым мифическим местом. Простота стиля поэмы трактуется как следствие значительной духовной высоты. А опорой для духа стало Евангелие.

Упомянув трагедию В. Ерофеева «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» с её сатирой на советскую идеологию, А. Сенкевич попутно отмечает упрёки в антисемитизме, которые обрушились на писателя. Далее он пытается охарактеризовать лирический и скрытый философский содержательный план пьесы.

Завершается второй раздел воспоминаниями сына писателя. Трогательным выглядит рассказ Ерофеева-младшего о своём отце. В нём повторяются события, уже изложенные ранее, но пережитые и перечувствованные по-другому. В таком взгляде абсолютно нет лакировки и злонамеренных оговоров. Создаётся сложный образ писателя, такой, наверно, понравился бы самому Ерофееву.

А. Сенкевич с горечью отмечает, что за время, прошедшее со дня смерти В. Ерофеева, мало, если не сказать совсем, не изменилось восприятие личности и творчества писателя. В размышлениях о судьбе Ерофеева автор обращается к философским установкам Сиддхартхи Гаутамы Будды. Он считает, что Ерофеев и Будда совпадают в ощущениях нескончаемого и мучительного страдания, где каждый день – «накопление чудовищных горечей без видимых причин», а также в том, что оба объявили о разрыве с прежним духовным миром с ложной идеологией, в рассуждениях о вреде эго.

Далее исследователь выстраивает возможные линии традидий, которым следует писатель, причём линии длинные, они захватывают произведения русской и зарубежной литературы. Ожидаемо тут оказываются Гоголь, Радищев, Зощенко, Свифт, Сервантес, Стерн, неожиданно – Козьма Прутков, Рабле, Кафка, Гамсун.

«На последнее десятилетие земного существования Венедикта Ерофеева падает ответ евангельских событий», – считает А. Сенкевич. В конце подробно описаны события последних лет: поездка на Север, прощание с братом, водный поход, наконец-то заслуженное признание. Писатель «увядал» в компании восторженных поклонников. За год до смерти стал членом Литфонда Союза писателей.

Завершается исследование толкованием имени Венедикт – на латыни благословенный, призванный Господом на благие дела.

Natalia K. Danilova

"A Unique and Mysterious Writer": Venedikt Erofeev in a Biographical Study of Alexander Senkevich

Book review: Senkevich, A. N. (2020) *Venedikt Erofeev: Chelovek nezdeshniy* [Venedikt Erofeev: A Man from Nowhere]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.

The article provides a description of A. Senkevich's biographical study of Venedikt Erofeev. Such works traditionally contain material on three levels: 1) a description of the era and its reflection in the writer's works, 2) a chronology of life, meetings and psychological details, refracted in his work, 3) an actual attempt to comprehend the artistic heritage. Reflection on the personality of Venedikt Erofeev is built in the study retrospectively. It begins with the moment of the writer's death and the tragic consequences in the destinies of loved ones. Then it moves on to a description of the author's entry into literary life during the Thaw, "a time of hope and resurrection." A. Senkevich's book describes the writer's spiritual search in several religious traditions: Christianity, Islam and Buddhism. The book provides interesting testimonies from relatives, contemporaries, and admirers of Erofeev's talent. As a result, the author creates a complete picture of the writer, but does not claim to make final assessments.

Key words: the works of Venedikt Erofeev, the author's personality, the poem "Moscow – Petushki", the artistic world.

For citation: Danilova, N. K. (2024) «Unikal'nyj i zagadochnyj pisatel'»: Venedikt Erofeev v biograficheskom issledovanii Aleksandra Senkevicha [“A Unique and Mysterious Writer”: Venedikt Erofeev in a Biographical Study of Alexander Senkevich]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 220–228. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_220. EDN: CAAPRH

Об авторе

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); E-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

About the Author

Danilova Natalia K., Researcher, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); E-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

дата получения: 05.06.2024 г.
дата принятия: 30.07.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 05 June 2024
date of acceptance: 30 July 2024
date of publication: 30 September 2024